

Н.С. Жукова

ЯЗЫКОВАЯ ИЗБЫТОЧНОСТЬ В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Томский государственный педагогический университет

«Гиперхарактеризация», «плеоназм», «языковая избыточность»... Этот ряд терминов можно было бы продолжить. Все они служат для обозначения тех случаев, когда одно и то же содержание передается несколькими средствами. Вопросу языковой избыточности уделяли внимания как отечественные, так и зарубежные исследователи различных направлений и школ. Несмотря на то, что вопрос о языковой избыточности не нов, он еще недостаточно исследован. Высказывания об этом явлении довольно фрагментарны и разрозненны, а те виды избыточности, которые выделяются в лингвистической литературе, также представляются неполными [1].

Чаще всего явление языковой избыточности рассматривается вместе с явлением экономии как два полярных явления. Ср.: «... Вообще стремлению к экономии как особому фактору грамматического развития противостоит стремление к максимально подчеркнутому, многократному, даже плеонастическому выражению грамматических значений (*Übercharakterisierung*)» [2, с. 60–61]. О корреляции «гиперхарактеризация/эллипсис» см. также [3, с. 112]. Однако в лингвистической литературе явлению языковой избыточности уделяется меньше внимания, чем ее корреляту. Отмечая эту особенность языка, исследователи проводят различие между «плеоназмом» и «гиперхарактеризацией». Некоторые лингвисты определяют «плеоназм» как одно из проявлений избыточности, видя основное различие в том, что избыточность – феномен, появляющийся и исчезающий на разных уровнях, в то время как плеоназм – явление постоянное [4, с. 305]. Б.С. Роговой обосновывает понятие «гиперхарактеризация», определяя ее через выводимость из вербального, ситуативного и «психологического» контекста. Ср.: «... речь содержит элементы, значения которых реципиент речи слушатель, читатель может самостоятельно вывести из вербального контекста, из ситуативного контекста или из заранее известных фактов, из “психологического” контекста. Мы будем называть такую избыточность семантической или “гиперхарактеризацией”» [3, с. 112]. Автор данной статьи разделяет точку зрения, согласно которой понятие гиперхарактеризации является расширением, экспликацией традиционного понятия «плеоназм». «Плеоназм в его наиболее обычном понимании – лексическая гиперхарактеризация, возникающая в связи с вербальным контекстом и всегда или почти всегда излишняя с функционально-психологической точки зрения» [3, с. 115]. Аналогично В.Я. Мыркин объясняет явление гиперхарактеризации как следствие контекста, определяя вербальный контекст как линейный, а ситуативный и психологический – как параллельный [5, с. 9]. Ср. положение В.Г. Гака о том, что в формировании высказывания большую роль играет пресуппозиция – совокупность предварительных данных собеседника о предмете речи. «... ориентировка на ситуацию и пресуппозицию позволяет прибегнуть к компрессии или сохранить избыточность» [6, с. 87].

Таким образом, во всех перечисленных случаях исследователи в принципе однозначно определяют условия возникновения избыточности. Имеет место только различное терминологическое обозначение этих условий.

Для темы данной статьи важен особый тип гиперхарактеризации, который выделяют в лингвистической литературе – грамматическая гиперхарактеризация [3, с. 115] или грамматическая гиперхарактеризация [5, с. 9]. В данном случае речь идет об избыточности средств выражения грамматических значений. Значения грамматических категорий отличаются облигаторным характером выражения в речи. Ср.: «Одним из основных признаков категориального грамматического значения является обязательность реализации данного грамматического содержания в каждой лексически конкретной единице, входящей в данный грамматический класс, в каждом акте функционирования этой единицы» [7, с. 159]. Однако соответствующее значение нередко выражается не только самой формой, т.е. грамматически, но и другими языковыми средствами (лексическими показателями, синтаксической структурой и т.д.). Ср. следующие примеры из русского и немецкого языков: Он *сейчас читает* лекцию. Er *fährt jetzt fort*. Значение настоящего времени в данных примерах выражено дважды: глаголом настоящего времени (читает, fährt) и темпоральным наречием со значением настоящего времени (*сейчас, jetzt*). Грамматическое значение настоящего времени, выраженное словоформой глагола, в данном контексте становится избыточным.

Коммуникативная потребность более точного выражения того или иного содержания диктует не-

обходимость употребления в речи соответствующего временного наречия (в данном случае наречия, указывающего на настоящее время), которое делает избыточным выражение настоящего времени словоформой презенса. Обязательность выражения категориального значения имеет своим следствием избыточность. В следующем примере значение лица и числа выражено дважды: местоимением и окончанием словоформы: **Du sagst**. Однако подобная избыточность не всегда имеет место при выражении значений лица и числа в современном немецком языке. Ср.: **Wir sagen**. Синкретичная форма¹ множественного числа презенса **sagen** (ср.: (Sie) **sagen**) выражает недифференцированно значение лица в отличие от несинкретичных форм единственного числа настоящего времени (**ich sage** и **(er) sagt**. Согласно определению синкретизма, категориальное значение синкретичных форм шире категориального значения форм несинкретичных. Категориальное значение словоформ **sage, sagt**, входящих в микропарадигму лица, соответственно, первое и третье лицо единственного числа. Синкретичная форма **sagen (wir, sie)** не выражает дифференцированно указанные значения лица. Категориальное значение этой формы шире, она выражает невторое лицо множественного числа. При употреблении несинкретичной формы нет необходимости в выражении категориального значения местоимением, так как для адекватной передачи смысла высказывания можно обойтись без выражения данного значения самой формой. Но «...для такой сложной системы, как язык, структурная избыточность является необходимой предпосылкой надежной и устойчивой работы в различных условиях» [9, с. 77]. Показательными в этой связи являются данные лингвопсихологических экспериментов с деграмматизированными текстами, проводимыми как отечественными [10], так и зарубежными лингвистами [11]. Эти данные свидетельствуют, что значительная часть показателей в тексте не является абсолютно необходимой. Грамматические элементы восстанавливаемы из контекста, и их присутствие не обязательно для правильного понимания. Однако, как отмечает Б.С. Роговой, в силу принципиально непредсказуемого характера индивидуальных искажений имеется потребность в «страхующих» средствах, обеспечивающих правильное понимание.² Значительная часть грамма-

тической гиперхарактеризации является таким «страхующим» средством борьбы с психологическими помехами. Ср. высказывание о том, что «работа» нервной системы может нарушаться помехами, возникающими на двух уровнях: помехи присутствуют в сигналах, достигающих органов чувств, или возникают в результате вероятностных процессов в самой нервной системе. Последний тип может оказаться очень вероятным: видимо, в функционировании нервной системы есть аспекты, которые можно понять только как борьбу с помехами. Возможными примерами является сохранение или введение избыточности [10, с. 181].

Представляется, однако, что роль грамматической гиперхарактеризации в языке не ограничивается только этим. Анализ примеров грамматической гиперхарактеризации дает возможность разграничить факультативную и обязательную избыточность. Первая возникает только в речи, когда используется более чем одно средство для выражения соответствующего значения. Например:

Я приеду завтра. Ich werde morgen kommen. (1)

Я посетила его вчера. Ich habe ihn gestern besucht. (2)

В данных примерах значение будущего (1) и прошедшего (2) выражено дважды: и формой глагола, и наречием времени. Употребление соответствующего наречия времени точно определяет время действия и делает грамматическое средство выражения будущего или прошедшего излишним, так как эти значения выводимы из контекста. Подобная избыточность возникает при функционировании словоформ в соответствующем окружении и может быть названа функциональной или речевой избыточностью. Этот вид избыточности возникает не всегда, когда употребляется соответствующая временная форма глагола, а зависит от целей коммуникации и желания говорящего. Функциональная избыточность важна именно для совершенного выполнения языком его основной функции – функции общения.

В отличие от функциональной избыточности, обязательная избыточность наблюдается всегда, когда употребляется соответствующая грамматическая форма. Так, например, в немецком языке двусоставность предложения является обязательной, поэтому лицо и число глагола в большинстве

¹ «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различения соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период ее развития» [8, с. 91].

² В проводимых экспериментах указанные искажения и пропуски испытуемых имели непредсказуемый характер. Такой непредсказуемый характер искажений и пропусков подчеркивает необходимость гиперхарактеризации как «страхующего» средства. Деграмматизированные тексты в экспериментах можно сопоставить с разными случаями деграмматизированной речи, возникающей в естественных условиях. О случаях деграмматизированной речи см. [12, S. 347].

случаев достаточно четко выражено в структуре предложения через подлежащее. В современном немецком языке существует синтаксическая парадигма лица и числа [13]. Одним из требований при выделении словоизменительной парадигмы является ее облигаторность. Это и обеспечивает регулярность использования соответствующей морфологической категории. Как отмечает О.И. Москальская, условием определения парадигмы предложения является сохранение единых принципов выделения парадигм на уровне морфологии и синтаксиса [14, с. 99]. Тогда использование указанного выше принципа выделения морфологической категории в синтаксисе предполагает, что синтаксическая парадигма может быть установлена только в случае облигаторности синтаксических средств выражения соответствующих значений. Личное местоимение в германских языках выполняет в предложении в позиции при глагольной форме синтаксическую функцию подлежащего, и его обязательное употребление связано именно с этой синтаксической функцией как одного из главных членов предложения, то есть отношение к лицу и числу выражается синтаксически – соотносённостью глагола-сказуемого с определенным подлежащим – личным местоимением. Сочетание личного местоимения с глагольной формой рассматривается как предикативное сочетание. В отличие от славянских языков, и в частности русского языка, в которых возможны и односоставные конструкции, в современном немецком языке предикативное сочетание имеет двухкомпонентный состав. Изменение предикативного сочетания по лицам и числам образует синтаксическую парадигму лица и числа, так как не только морфологическая, но и «устойчивая синтаксическая парадигма также может служить средством выражения обобщенного грамматического значения» [15, с. 5]. Все это дает возможность заключить, что в современном немецком языке значения морфологической категории лица и числа носят избыточный характер, так как соответствующие значения выражаются и синтаксически. Например: **Ich sage. Er sagt.** В современном немецком языке происходит передача ряда функций от морфологических средств к синтаксическим, то есть имеет место изменение отношений между синтаксическим и морфологическим уровнями, что свидетельствует о тенденции к изоляции¹ в системе языка. Ср. выражение значений лица и числа глагола в современном немецком языке с их выражением в русском и английском языках.

(Я) Иду в кино. (1) Значение лица и числа выражается морфологически.

Ich gehe ins Kino. (2) Значение лица и числа выражается и морфологически, и синтаксически.

I go to the cinema. (3) Значение лица и числа выражается только синтаксически.

В современном русском языке значение лица и числа выражается морфологической формой, так как в его системе существуют морфологические категории лица и числа. При употреблении в предложении и подлежащего, и сказуемого значения лица и числа оказываются выраженными дважды: морфологически и синтаксически, то есть выражение значений лица и числа характеризуется избыточностью. Однако эта избыточность возникает не всегда, когда надо выразить значение лица и числа, так как в современном русском языке двусоставность предложения не является обязательной. Ср.: **Иду и вижу. Я иду, а они стоят.** В данном случае избыточность появляется при функционировании личной формы глагола в определенном окружении и представляет собой пример функциональной или речевой избыточности. В отличие от русского языка, в системе современного немецкого языка выражение значений лица и числа сопровождается обязательной избыточностью. Эта избыточность имеет место независимо от желания говорящего и цели сообщения (ср. с функциональной избыточностью), так как наблюдается всегда, когда необходимо выразить значение лица и числа. Следовательно, она возникает не в процессе функционирования языковой системы, а уже «заложена» в самой системе и проявляется при ее употреблении. Подобная избыточность может быть названа «системной» избыточностью. Являясь принадлежностью самой языковой системы, она отражает определенные особенности, черты этой системы. Представляется, что «системная» избыточность, обусловленная сосуществованием в языковой системе двух категорий (синтаксической и морфологической) для выражения тех же самых значений, отражает изменения, которые происходят в системе современного немецкого языка: а именно сдвиг в передаче соответствующих значений от морфологических средств к синтаксическим. Этот процесс, естественно, носит постепенный характер, так как язык выполняет свою функцию как средство общения. Поэтому какое-то время подобное сосуществование синтаксической и морфологической категории, а следовательно, и «системной» избыточности, неизбежно.

Таким образом, «системная» избыточность вызвана произошедшими в системе языка изменениями, и в этом проявляется ее диахронический аспект, но одновременно она отражает изменения, проис-

¹ «Невыраженность отношений между словами в самих словах есть признак изоляции, чем выше степень изоляции, тем выше аналитичность языка» [16, с. 83–84].

ходящие в синхронии. Другими словами, системная избыточность, с одной стороны, обусловлена развитием языковой системы и объясняется этим развитием, а с другой стороны, подобная избыточность делает возможным дальнейшие преобразования в системе языка, так как обеспечивает их безболезненное для процесса общения протекание, т.е. «системная» избыточность является следствием и предпосылкой языковых изменений.

Следует подчеркнуть, что между «функциональной» и «системной» избыточностью нет резкой границы, а возможен их взаимопереход. Когда двусоставность в немецком языке, как и в современном русском языке, не была обязательной, то не наблюдалось «системной» избыточности (в древневерхненемецком языке не было синтаксической категории лица и числа). Ср. *Brähtun imo man stumman* (Man brachte zu ihm einen stummen Mann). При употреблении в предложении и сказуемого, и подлежащего возникала «функциональная» избыточность (ср. *Ik gihorta dat seggen ... Ich hörte, das sagen, daß..*), которая по мере развития языка и закрепления нормой обязательной двусоставности предложения перешла в «системную» избыточность. Естественно, что подобное «системное» дублирование в выражении определенных значений не может оставаться постоянным. Преодоление «системной» избыточности означает завершение процесса передачи ряда функций от морфологии к синтаксису, завершение процесса аналитизма. Ср. систему современного английского языка, в которой выражение значений лица и числа происходит только синтаксическими средствами (исключение – третье лицо единственного числа настоящего времени). Не останавливаясь на самом процессе изменения парадигмы английского глагола [17], сопоставим парадигму лица (числа) глагола в древнеанглийском языке с современным английским.

Ср.: древнеанглийский

Настоящее время

изъявительное наклонение

единственное число 1. –u, –e •

2. –es, –(e)st

3. –(e) þ

множественное число – aþ

Морфологическая парадигма как таковая в современном английском языке отсутствует. Ср.: (I, you, we, they) go – (he, she) goes. Сохранилась лишь одна форма, обозначающая третье лицо единственного числа настоящего времени. Остальные члены парадигмы совпали с исходной базисной формой слова в процессе отмирания морфологической категории лица и числа.

В современном шведском языке форма глагола обычно одинакова для всех лиц и чисел. Ср.: *jag (du, han, vi, ni, di) laser*. Аналогично в датском языке:

jeg (du (Du), han, hun, vi, I, (De) de) taler. Для шведского языка, как и для других скандинавских языков, характерен переход от выражения значений лица и числа посредством глагольных окончаний к выражению их посредством отнесенности данной глагольной формы к субъекту глагольного действия, то есть личному местоимению или существительному в единственном или во множественном числе. Этот процесс раньше всего начался и завершился в датском языке, в шведском и норвежском языках он протекал медленнее. Следовательно, можно говорить о существовании в современном шведском и датском языках синтаксической категории лица и числа.

Таким образом, выражение значений лица и числа в указанных языках не характеризуется «системной» избыточностью. Преодоление этой избыточности происходит в отдельных случаях и в системе современного немецкого языка. Ср. случаи синкретизма. Категориальное значение синкретичных форм шире соответствующих несинкретичных форм (см. приведенные выше примеры). Именно это более широкое значение выражается морфологически. Дифференциация между первым и вторым лицом происходит на уровне синтаксиса, поэтому в данном случае не наблюдается избыточности, которая неизбежно проявляется при употреблении несинкретичных форм. Ср., например, форма второго лица единственного числа претерита индикатива (*ich, er*) *sagte*. В самом факте существования синкретичных форм отражается постепенный характер преодоления этой избыточности, означающей, в свою очередь, постепенность самого характера языковых изменений.

Рассмотренная «системная» избыточность, представляющая собой системное дублирование в выражении определенных значений, показывает характер отношений между уровнями языковой системы (морфологическим и синтаксическим). Поэтому представляется целесообразным говорить в данном случае не просто о «системной», а о «структурно-системной» избыточности. Ср.: «... понятие структуры относится ...исключительно к схеме отношений. Понятие же системы – понятие более широкое и вместе с тем более сложное – отвечает ... представлению о самых общих принципах организации и устройства объекта как целостного упорядоченного образования, существующего в целях выполнения определенной функции и благодаря особому способу иерархического согласования определенной субстанции с определенной структурой» [18, с. 29]. «Структурно-системная» избыточность принадлежит системе (присутствует в самой системе и проявляется при ее употреблении) и отражает отношения между ее уровнями. В свою очередь, характер отношений между уровнями и изменение этих

отношений можно считать типологически отмеченными. Ср. положение о том, что язык сможет принадлежать к одному и тому же типу до тех пор, пока сохраняются одни и те же отношения между единицами различных уровней [19, с. 38]. Тогда «структурно-системная» избыточность, отражающая изменение отношений между морфологическим и синтаксическим уровнями, является, как и синкретизм, типологически отмеченной и свидетельствует о тенденции к аналитизму¹.

В проанализированных выше примерах «структурно-системной» избыточности имеет место взаимодействие единиц морфологического и синтаксического уровней (взаимодействие происходит в самой языковой системе). Ср. случай «функциональной» (речевой) избыточности, при которой наблюдается взаимодействие лексических и грамматических единиц в речи.

Вероятно, можно выделить несколько типов функциональной избыточности исходя из того, на каком фоне она появляется; имеются в виду различные виды лингвистического и экстралингвистического контекстов² (ср., например, указанные выше виды контекстов: вербальный, ситуативный, «психологический»). Возможно также определение различных видов функциональной избыточности по степени важности ее роли для достижения коммуникативной цели. Для решения этого вопроса необходимо рассмотрение объективных условий протекания конкретных актов коммуникации и выделение наиболее общих экстралингвистических факторов, влияющих на достижение коммуникативной цели и на выбор информационных элементов при формировании высказывания. В одних случаях функциональная избыточность лишь незначительно влияет на успех понимания, в других она становится необходимой. Например, речевая связь оказывается под угрозой срыва, когда трудно расслышать и понять друг друга.

Функциональная избыточность обусловлена целями, задачами и условиями коммуникации, в соответствии с которыми производится отбор языковых единиц при построении высказывания. В этом смысле функциональная избыточность конкретно-коммуникативна. Системная избыточность объясняется особенностями существования и фиксации определенных смыслов в конкретной языковой системе и реализующими их формами. Однако возникновение этой избыточности нельзя объяснить толь-

ко внутренними особенностями языковой системы. Системная избыточность, как и функциональная, обусловлена коммуникативной функцией языка и, в свою очередь, обеспечивает надежное выполнение этой функции. Как было отмечено выше, системная избыточность, в частности «структурно-системная», играет определенную роль для развития языковой системы, так как представляет собой следствие и предпосылку языковых изменений. Целесообразно в этой связи упомянуть о вариативности, которая также принадлежит к явлениям переходного периода, когда в системе языка сосуществует несколько единиц для выражения того же самого значения (что объясняется изменениями, произошедшими в диахронии). Например, в системе современного немецкого языка сосуществуют синтетический и аналитический ирреалис. Обоснование статуса их отношений как вариантных см. [22]. Вариативность синтетического и аналитического ирреалиса отражает на синхронном срезе происходящие в системе немецкого языка изменения и свидетельствует о тенденции к аналитизму на морфологическом уровне.

Ср. положение К.С. Горбачевича о том, что вариативность возникает на переходных этапах, в слабых звеньях перестраивающейся системы языка [23, с. 138]. Не останавливаясь подробно на проблеме вариативности, отметим только, что вариативность можно также отнести к «системной» избыточности, так как в самой системе языка существует не одна единица для выражения того же самого значения.³ Между этими членами системы говорящий делает выбор при конкретном выражении соответствующего значения в речи, то есть эта избыточность в речи «снимается».

В свете сказанного выше представляется правомерным ставить вопрос о видах обязательной избыточности, внутри которой можно выделить, например, «системную» (вариативность) и «структурно-системную». Ср.: «функциональная» избыточность возникает в речи (не является принадлежностью системы)⁴.

«Системная» избыточность принадлежит системе («снимается» в речи). «Структурно-системная» избыточность наблюдается и в системе языка, и в речи, что еще раз подтверждает правомерность ее выделения, так как отношения между единицами различных уровней представлены и в системе языка, и при ее функционировании.

¹ При решении вопроса о языковом типе, одном из актуальнейших вопросов современной типологии, высказывается мнение, что следует искать единые межуровневые параметры, которые определяют тот или иной языковой тип. См., например: [20, с. 184].

² О роли экстралингвистического и лингвистического макроконтраста и языковой избыточности см. [21].

³ Ср.: в случае «структурно-системной» избыточности речь идет о существовании двух категорий для выражения одного и того же содержания.

⁴ О переходе «функциональной» избыточности в «системную» см. выше.

В связи с вопросом языковой избыточности заслуживают внимания морфологические категории, значения которых дублируют значения соответствующих синтаксических категорий. Подобные морфологические категории не имеют собственной семантики, выполняя лишь функцию отражения семантики соответствующей синтаксической структуры, вследствие чего их можно назвать отраженными морфологическими категориями. Об отраженных морфологических категориях см. [24, с. 44]. «Системно-структурная» избыточность и отраженные категории представляют собой взаимосвязанные явления, так как морфологические категории, существующие на фоне высоко развитых синтаксически средств, существенно изменили свой статус и становятся избыточными. Ср.: в древневерхненемецком языке значение категории лица и числа не было отраженным. «Структурно-системная» избыточность показывает сдвиг от морфологического уровня к синтаксическому при выражении соответствующих значений и имеет самое непосредственное отношение к синтоморфологии,¹ так как характеризует категории, принадлежащие этой области взаимодействия между морфологией и синтаксисом.

Само существование синтоморфологии представляет собой следствие измененных отношений между данными уровнями. При таком понимании синтоморфологии к ней могут быть отнесены также категория волеизъявления/неволеизъявления [25] и категория косвенности/некосвенности [26]. Значения этих категорий тоже носят отраженный характер [27, с. 22].

Категория волеизъявления/неволеизъявления имеет наименьший процент морфологической выраженности и находится на самой периферии морфологической системы современного немецкого языка. Наименьшая продуктивность категории² говорит об ослаблении ее позиций в языковой системе. Периферийный и отраженный характер данной категории свидетельствует о том, что аналогичные значения передаются другими средствами (в данном случае интонацией, порядком слов) и язык в принципе мог бы обойтись без указанной морфологической категории. Тогда можно предположить, что избыточные категории, находящиеся на периферии морфологической системы, способны к полному свертыванию, что уже имело место в истории германских языков. Например, морфологическая категория лица и числа отсутствует в датском языке

и в языке африкаанс. В отношении шведского можно говорить о фактическом отмирании категории лица и числа глагола. Во многих германских языках отсутствуют категории рода, числа, падежа прилагательного. Так, в современном английском языке форма прилагательного остается безучастной к роду, числу и падежу существительного, т.е. соответствующие морфологические категории прилагательного отсутствуют. Внешне это выражается в примыкании прилагательного к существительному. Ср.: the good boy – the good girl; the good boy – the good boys. I saw a beautiful girl. The beautiful girl read.

Морфологическими категориями рода, числа и падежа имени прилагательного будут лишь в том случае, если они принадлежат имени прилагательному как слову, и совокупность взаимопротивопоставленных форм выражения грамматических значений на морфологическом уровне составит морфологическую парадигму. Такими указанные категории являются в современном русском языке (ср.: красный, красное, красная). В современном русском языке большинство прилагательных грамматически оформлено в своей исходной словарной форме, флексия прилагательного выражает одно из трех значений рода, значения числа и падежа. Однако эти категории могут быть и синтаксическими, если для их выражения облигаторным является использование синтаксических средств. Для современного немецкого языка, в отличие от русского, не характерно оформление прилагательного в словарной форме категориями рода, числа и падежа. Оно получает возможность их выражения только в определенной синтаксической структуре, в атрибутивном сочетании. Для атрибутивного сочетания «(артикл) + прилагательное + существительное» в современном немецком языке устанавливается синтаксическая парадигма рода, числа и падежа. В системе современного русского языка категории рода, числа и падежа прилагательного (так же как и категория лица и числа глагола) являются самостоятельными категориями, и имя прилагательное может употребляться вне атрибутивного сочетания. Например: «Какая книга? Интересная». В современном немецком языке подобное употребление имени прилагательного невозможно, так как свое оформление оно получает только в атрибутивном сочетании. Ср.: (ein) interessantes Buch, das interessante Buch.

¹ Переход ряда функций от морфологии к синтаксису, наряду с постепенностью, характеризуется настолько тесным их переплетением при выражении определенных значений, что представляется уместным ставить вопрос о синтоморфологии, задачей которой было бы решение проблемы взаимосвязи морфологии и синтаксиса. При синхронном описании в области синтоморфологии следует рассматривать те морфологические явления, которые непосредственно включены в синтаксическую систему. Ср. постановку вопроса о синтоморфологии [13, с. 8].

² О продуктивности категорий глагола немецкого языка в различные периоды его развития см. [28].

Этот факт свидетельствует о тесном взаимодействии морфологического и синтаксического уровней при выражении значений рода, числа и падежа прилагательного в современном немецком языке в период перехода ряда функций от морфологии к синтаксису и подтверждает необходимость выделения синтоморфологии. Грамматические категории рода, числа и падежа имени прилагательного непосредственно включены в синтаксическую структуру и синтаксически обусловлены. Ср.:

Современный немецкий	Современный русский	
Категория рода		
der alte Tisch	м.р.	– старый (стол)
die alte Zeitung	ж.р.	– старая (газета)
das alte Gebäude	ср. р.	– старое (здание)
Категория падежа		
N. der alte Tisch	Им.	старый стол
G. des alten Tisches	Род.	старого стола
D. dem alten Tisch	Дат.	старому столу
A. den alten Tisch		и т.д.

Синкретичная форма «alte» выражает недифференцированно значение рода (мужской, женский, средний), а синкретичная форма «alten» – значения датива, генитива и аккузатива; конкретизирует эти значения артикль. Значения падежа имени прилагательного, так же как и выражение значений лица и числа глагола, выражаются в современном немецком языке сложным синтаксическим маркером, а сами категории принадлежат области синтоморфологии. Не прибегая к понятию синтоморфологии, невозможно объяснить произошедшие и происходящие в системе современного немецкого языка изменения и определить статус категорий, которые функционируют в его системе на фоне высокоразвитых синтаксических средств и существенно из-

менили свою значимость по сравнению с древневерхненемецким периодом.

Суммируя все изложенное выше, можно заключить, что языковая избыточность, являясь необходимым условием надежной «работы» языковой системы, представляет собой универсальное явление. Что касается различных видов избыточности, то в этой области языки отличаются друг от друга. Как было показано, именно функциональная избыточность является универсальной. В области обязательной избыточности языки отличаются друг от друга по ее видам (ср., например, явление структурно-системной избыточности в системе современного немецкого языка и ее отсутствие в системе современного русского и английского языков), так же как и состояния одного и того же языка в различные периоды его развития. В этой связи представляется плодотворным рассмотрение проблемы языковой избыточности во взаимосвязи с типологическими особенностями той или иной языковой системы. Структурно-системная избыточность играет, как было отмечено, определенную роль для развития языковой системы и, отражая на синхронном срезе те изменения, которые происходят в его структуре (изменение отношений между морфологией и синтаксисом), может служить своего рода показателем степени продуктивности соответствующих морфологических категорий. Категории эти, являясь избыточными, находятся на периферии морфологической системы, носят отраженный характер и передают ведущую роль в выражении соответствующей семантики синтаксическим средствам. В связи с этим представляется возможным отнести «структурно-системную» избыточность к тем явлениям, которые помогают вскрыть «механизм» языка и делают «... заметными результаты работы различных периодов в данном состоянии объекта исследования» [29].

Литература

1. Попп Т.Ю. Морфологическая избыточность в выражении синтаксических категорий существительного современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1981.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964.
3. Роговой Б.С. Понятие гиперхарактеризации // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Мыркин В.Я. Сверххарактеризация и сверхнейтрализация грамматических значений в речи // Вопр. языкознания. 1976. № 1.
6. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.
7. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
8. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике енисейских языков. М., 1987.
9. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
10. Роговой Б.С. Лингвopsихологические эксперименты с деграмматизированными текстами // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
11. Bühler Ch. Über die Prozesse der Satzbildung // Zeitschrift für Psychologie. 1929, Bd. 81.
12. Skinner B.F. Verbal behavior. N. V., 1957.

13. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
14. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
15. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975.
16. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.
17. Бруннер К. История английского языка. М., 1956.
18. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Т. II. М., 1972.
19. Солнцев В.М. Типология и тип языка // Вопр. языкознания. 1978. № 2.
20. Ярцева В.Н. К определению понятия языковой тип // Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
21. Глаголев Н.В. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
22. Жукова Н.С. Системный статус форм ирреалиса в современном немецком языке и особенности их темпоральной семантики // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1.
23. Горбачевич К.С. Вариантность слов и языковая норма. На материале современного русского языка. Л., 1988.
24. Адмони В.Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка // Вопр. языкознания. 1975. № 1.
25. Жукова Н.С. О статусе императива в системе современного немецкого языка // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. Т. 2. Вып. 1.
26. Жукова Н.С. Категория вида речи и особенности ее выражения в современном немецком языке // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 1 (38).
27. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1978.
28. Жукова Н.С. Глагольная подсистема немецкого языка в различные периоды его развития // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология: индоевропейские и сибирские языки). 2005. Вып. 4 (48).
29. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по языкознанию. Т. 1. М., 1963.